

ЗДЕСЬ ЖИЛА М. О. АВЕЙДЕ

60 лет назад в Екатеринбурге (ныне Свердловск) от пулю колчаковцев погибла замечательная революционерка, большевичка Мария Оскаровна Авейде. Она отдала свою жизнь в борьбе с врагами первого в мире социалистического государства. Более 10 лет по разным адресам жила в нашем городе Мария Оскаровна, выполняя различные партийные задания. Однако до сих пор был известен только один ее адрес. Это сгоревший дом на улице Братьев Коростелевых, где она была арестована в сентябре 1918 года белочешской контрразведкой. Другие адреса не были установлены. Правда, приехав в Самару из Екатеринбурга в 1906 году, М. О. Авейде, как поднадзорная, сообщила в жандармское управление, что она «имеет жительство на углу Садовой и Москательной, № 91, д. Юрина, квартира Руди». Этот же адрес она повторила в своем заявлении от 17 марта 1907 года. Кроме этого адреса М. О. Авейде сообщила, что квартирует на Садовой улице, 98, дом Щелокова. Попытка установить эти дома по списку самарских домовладельцев 1907 года ни к чему не привела. Дом Юрина на всех четырех углах Садовой и Москательной (Льва Толстого) не значит. Дома же под № 91 на Садовой и Москательной улицах были не угловыми, а находились в середине квартала. Дом 98 на Садовой принадлежал не Щелокову, а Лапиной. Ничего не оставалось, как через старожилов города попытаться найти дома, в которых М. О. Авейде жила до переезда на Уральскую улицу (улица Братьев Коростелевых).

Такой случай представился. После моего выступления по Всесоюзному телевидению с рассказом о старой Самаре в феврале 1966 года я получил много писем из разных городов Советского Союза. Писали большей частью бывшие самарцы, вспоминая былые годы. Среди писем было письмо из Ульяновска от Бориса Дмитриевича Никольского, уроженца Самары, пенсионера, бывшего агронома. Позднее, будучи в Ульяновске, я познакомился с ним лично.

Как оказалось, Борис Дмитриевич был учеником М. О. Авейде, причем семья Никольских жила в 1911—1914 годах в одном доме с ней на Сокольниковой улице (теперь Ленинская улица, дом 205). Этот двухэтажный дом принадлежал тогда двум владельцам: правая половина принадлежала Марии Ильиничне Комаровой, а левая — подрядчику Алексею Степановичу Петрову. М. О. Авейде с сыном Александром и дочерью Марией занимала нижнюю квартиру с окнами на улицу в половине дома М. И. Комаровой (сейчас квартира 1). Никольские

жили в половине дома, принадлежавшей А. С. Петрову (теперь дом 207), тоже внизу и тоже окнами на улицу. Во втором этаже над Никольскими жила семья землемера Льва Акимовича Дунаевского. Его дочь Вера Львовна Дунаевская до сих пор живет в Куйбышеве. При встрече она подтвердила полностью все рассказанное мне Б. Д. Никольским, а также записанное в его воспоминаниях.

Домохозяйка Марии Оскаровны М. И. Комарова, как выяснилось позднее, была полицейским агентом, через дом жил жандармский офицер А. Н. Астраханский, а на углу улиц Сокольничьей и Торговой (Ленинской и улицы Маяковского) квартировал околоточный надзиратель Иван Иванович Глебов, который зорко следил за порядком в своем околотке. «А этот порядок иногда нарушали и мы, дети, — пишет в своих воспоминаниях Б. Д. Никольский. — По совету Марии Оскаровны я купил в писчебумажном магазине на Садовой улице большой лист красной бумаги и, сделав из него змея, запустил его с хозяйского сарая. И вот высоко в самарском небе появился змей в виде красного полотнища. Не успели мы оглянуться, как, запыхавшись, прибежал Иван Иванович — и прямо к хозяину.

— Это что такое! — еле переводя дух, забормотал околоточный. — С твоего двора запущен красный змей и трепещет в воздухе, словно красный флаг. Это же бунт, увидит начальство, тебе несдобровать.

И оба бросились ко мне на сарай, выхватили у меня из рук суровую нитку, к которой был привязан злосчастный змей, и, спустив его с неба, разорвали в клочки. Хозяин сунул околоточному рублевку, и тем инцидент был исчерпан.

В другой раз, в так называемый царский день, то есть в день именин кого-то из царской семьи, хозяин поручил нам, мальчишкам, вывести царский бело-сине-красный флаг, который хранился у него где-то в чулане. Когда мы его вытащили оттуда, к нам подошла Мария Оскаровна и сказала:

— Красивый флаг, но он неправильно прибит к древку, красным-то надо кверху¹.

Мы не заставили себя долго ждать и перевернули полотнище, Мария Оскаровна посмотрела и похвалила нас.

Но здесь, откуда ни возьмись, появился Иван Иванович, бледный, сам не свой, и опять бросился к хозяину. Выскочил наш Алексей Степанович, посмотрел на флаг, тоже побледнел и колени подогнулись, снял скорее флаг и унес к себе в дом, а за ним последовал Иван Иванович. Долго они не выходили; наконец вынесли флаг с белой полосой наверху и повесили. Иван Иванович шел раскрасневшийся, слегка покачиваясь. Видимо, хозяин угостил его в честь царского дня. Козырнул флагу, сказал: «спасибочко» и пошел своей дорогой. «Все хорошо, что кончается хорошо», — сказала нам потом Мария Оскаровна.

М. О. Авейде курила. «Боренька, — говорила она мне, — сбегай в лавку, купи мне «Бабочку» (так назывались папиросы). Бакалейная

¹ Цвета царского флага объяснялись так: наверху белый — царь, в середине синий — его чиновники, внизу красный — народ.

лавка была наискосок от нашего дома, через дорогу (теперь дом 236), содержал ее пожилой мужчина с большой шевелюрой и длинной седой бородой. При входе звенел колокольчик. Я говорил дедушке: «Дайте, пожалуйста, для Марии Оскаровны пачку папирос «Бабочка». Обычно он давал мне, но иногда говорил: «Скажи Марии Оскаровне, что сегодня «Бабочки» нет».

Не служила ли пачка папирос «Бабочка» почтовым ящиком для связи М. О. Авейде с самарской организацией большевиков? И кто был хозяин бакалейной лавочки?

Во второй половине 1914 года, когда уже шла война, М. О. Авейде переехала на Самарскую улицу, сняв квартиру на втором этаже в только что выстроенном во дворе доме¹, принадлежавшем Ф. Чижову (теперь дом 202). В эту квартиру к М. О. Авейде в качестве няньки (Мария Оскаровна незадолго до этого родила вторую дочь) переехала родная тетка Б. Д. Никольского — Александра Степановна Колесникова с дочерью Марией Алексеевной, которая в то время работала в госпитале на Соборной улице, в здании коммерческого училища (сейчас инженерно-строительный институт на Молодогвардейской улице). В квартире на Самарской Авейде устроила встречу нового, 1915 года с елкой, на которой было больше взрослых, чем детей. Такие же елки, вернее, собрания членов Самарской организации большевиков под видом новогодней встречи, М. О. Авейде устраивала и раньше на Сокольничьей улице и позже на Уральской. На Самарской улице она жила сравнительно недолго и уже в 1915 году переехала на Уральскую.

При захвате Самары белочехами Мария Оскаровна осталась в городе по заданию партии. «Мы предлагали ей, — пишет Б. Д. Никольский, — укрыться на даче, находившейся на восьмой версте Семейкинского шоссе... Но она отказалась. В день ареста она зашла к двоюродной сестре Никольского Лидии Алексеевне Захаровой, жившей на Алексеевской (Красноармейской) улице, 46, и сказала: «Меня сегодня возьмут». Захаровы предложили остаться у них и скрыть ее на их даче. Мария Оскаровна отказалась. Уходя, она сказала: «Прощайте». Как сейчас слышу последние слова Марии Оскаровны, обращенные ко мне, — пишет Борис Дмитриевич. — «Вот, Боренька, и все. Будь счастлив, учись жить и во всем разбираться правильно». Больше я ее не видел».

Дальнейшая судьба М. О. Авейде известна. Ее арестовали, увезли в «поезде смерти» в Сибирь. На одной из станций под Иркутском ей удалось бежать. С большим трудом она добралась до Екатеринбурга, где связалась с большевистским подпольем и вскоре стала секретарем Екатеринбургского комитета партии. Но 31 марта она была арестована колчаковской контрразведкой. 8 апреля 1919 года оборвалась жизнь пламенной большевички.

Дома, в которых жила М. О. Авейде в 1911—1915 годах на Ленинской и Самарской улицах, сохранились до наших дней.

¹ Факт постройки бревчатого дома во дворе домовладения Ф. Чижова в 1914 году подтвердила живущая в нем и сейчас (в квартире Авейде) дочь домовладельца Прасковья Федотовна Колосова, 81 года.